

«Ершалаимские» главы в романе «Мастер и Маргарита»

Необходимо перечитать следующие главы: 2 «Понтий Пилат», 16 «Казнь», 25 «Как прокуратор пытался спасти Иуду», 26 «Погребение».

В перечисленных ниже источниках (небольшие выдержки вы найдёте и в этом документе) даны чрезвычайно неоднозначные трактовки этих глав. Об этой неоднозначности надо иметь представление, чтобы доказательно строить своё высказывание. Опираясь при ответе можно на то, что вы считаете приближающимся к истине, но ссылки на источники необходимы.

! Обратите внимание, что большинство исследователей сходятся на том, что не Иешуа, а Понтий Пилат – главный герой романа мастера (впрочем, и сам мастер говорит, что написал роман «о Пилате», и критики обвиняют его в «пилатчине»). Значит, проблема взаимоотношений с властью, «трусость» как самый страшный порок – одна из ведущих тем романа мастера.

И.Н. Сухих «Русская литература для всех. От Блока до Бродского»: «Мастер и Маргарита». Роман мастера: добро и преданность, предательство и трусость.

Б.М. Гаспаров «Из наблюдений над мотивной структурой романа М.А. Булгакова "Мастер и Маргарита"»
Александр Зеркалов (Мирер) «Евангелие Михаила Булгакова»: часть 2 «Булгаков и Евангелие», часть 3 «Римская империя»

Андрей Кураев «Мастер и Маргарита: За Христа или против?»: «Когда мастер познакомился с Воландом?», «Роман или Евангелие»

1. Андрей Кураев

«По православному учению, человек поставлен выше ангелов. И в самом деле, «ангел» – это просто вестник. От почтальона не ждут, чтобы он творчески переиначивал порученную ему телеграмму. <...> Святоотеческие тексты, говоря о людях и ангелах, творчество атрибутируют лишь первым: «Не ангельское дело творить» (св. Иоанн Златоуст). «Будучи творениями, ангелы не суть творцы» (преп. Иоанн Дамаскин). И, напротив, – «Бог соделал человека участником в творчестве» (преп. Ефрем Сирий).

И это все, между прочим, связано с нашей телесностью. Чтобы наш дух мог повелевать телом, Бог и дал ему дар творчества. «Мы одни из всех тварей, кроме умной и логической сущности, имеем еще и чувственное. Чувственное же, соединенное с умом, создает многообразие наук и искусств и постижений, создает умение возделывать (культивировать) поля, строить дома и вообще создавать из несуществующего. И это все дано людям. Ничего подобного никогда не бывает у ангелов» (св. Григорий Палама).

Природа ангелов проста и им нечем «руководить», но человек двусоставен, и душа должна владеть телом, а для этого как минимум она должна обладать способностью к властвованию.

Лишь человек несет в себе образ Творца творцов. Способность же творить, менять мир и владычествовать над ним вменена человеку вместе с телесностью. Отсюда и важнейший этический вывод: **«Ангел неспособен к раскаянию, потому что бестелесен» (преп. Иоанн Дамаскин). Поскольку способность к творчеству связана с телесностью, а раскаяние есть величайшее творчество – то вне тела раскаяние невозможно.** Не поэтому ли падший ангел не может покаяться? Не поэтому ли его отпадение невосвратимо и вечно? **Не поэтому ли и для человека нет покаяния после выхода души из тела? Не поэтому ли Христос говорит: «В чем застану – в том и сужу»?**

Свобода ангелов – одноразового пользования. Они однажды выбирают – с Творцом или против Него. И в этой однажды избранной конфигурации своей воли они остаются навсегда (в отличие от воплощенного духа – человека, который в покаянном творчестве может ежесекундно менять вектор своей жизни).

Сатана – ангел (хотя и павший). И поэтому он сам не может творить. Поэтому и нуждается он в творческой мощи людей. Поэтому и нужны ему все новые Фаусты – в том числе и Мастер.

Воланд одалживает Мастеру свои глаза, дает ему видения. Мастер же (которого Булгаков выводит на сцену в тринадцатой главе) эти видения пропускает через свой литературный гений.

Воланд просто использует Мастера в качестве медиума. Но этот контакт в итоге выжигает талант Мастера, который по завершении своей миссии становится творчески бессилён.

Воланд просто подобрал то, что плохо лежало. **Мастер не продал сатане душу. Он ее просто растерял (поступок, то есть сознательную отдачу себя сатане в булгаковском романе совершает лишь Маргарита).**

<...> Трижды и тремя разными способами вводится пилатова линия в текст московского романа. Сначала как прямая речь самого Воланда. Затем – как сон Иванушки, и, наконец, как рукопись романа Мастера. При этом стилистически, сюжетно, идейно текст из всех трех источников оказывается поразительно един. **Кто может контролировать все три этих источника?** Если роман есть произведение только Мастера – то лишаются ответа два вопроса: 1) откуда Воланд мог знать роман московского писателя, с которым он якобы даже и не был знаком в первый день своего пребывания в столице СССР? 2) Как роман Мастера мог войти в сон Ивана Бездомного?

Но эти вопросы снимаются, если предположить, что **Воланд изначально вдохновляет Мастера в его творчестве. Мир снов, наваждений и теней – это родной мир Воланда. Только Воланд имеет достаточно сил для того, чтобы воспользоваться всеми тремя вратами. Значит, он и есть подлинный автор этой антиевангельской версии евангельских событий.**

Понятно, почему сатана заинтересован в этом анти-евангелии. Это не только расправа с его врагом (Христом церковной веры и молитвы), но и косвенное возвеличивание сатаны. Нет, сам Воланд никак не упоминается в романе Мастера. Но через это умолчание и достигается нужный Воланду эффект: это всё люди, я тут не при чем, я просто очевидец, летал себе мимо, примус починал... Так вслед за Понтием Пилатом и Иудой следующим амнистированным распинателем становится сатана.

И, как и подобает анти-евангелию, оно появляется в скверне: из-под задницы кота («Кот моментально вскочил со стула, и все увидели, что он сидел на толстой пачке рукописей»). Рабочий стол – печка - коту под хвост - и снова печка. Таков путь рукописи Мастера.

Кстати, и деньги, на которые Мастер творил свое произведение, он нашел в грязи («Вообразите мое изумление, - шептал гость в черной шапочке, - когда я сунул руку в корзину с грязным бельем и смотрю: на ней тот же номер, что и в газете!»)

На пути к той вечности, в которую Воланд ведёт мастера, (покой без света), любой образ Христа (даже карикатурный) должен быть поправлен. Воланду нужно не просто отрицание Христа и его существования. Над пустотой нельзя царствовать. Ему нужен образ Христа, который для самого Воланда был бы не опасен.

2. Александр Зеркалов

Булгаков отбросил не только predeterminedность первого уровня - библейскую. Он отверг и последующую, новозаветную - в сущности, освобождающую и Иуду, и Пилата от ответственности перед совестью.

Несомненно, идея божественного predeterminedения противоречит идее личной ответственности. Бог, этот кукольных дел мастер, поставил к ширме дьявола и на руку ему надел Иуду . <...>

Булгаков и это отверг. **И ввел иное predeterminedение - социальное.**

Последнее слово Иешуа перед смертью - "игемон...".

Последнее слово Иисуса - "Отче! в руки Твои предаю дух Мой".

Вместо небесного Отца - земной правитель. Гибель Иешуа Га-Ноцри predeterminedена земной высшей силой, именно той, что была старательно затушевана в Евангелиях - римской властью. Игемон - бессильное воплощение этой абстракции, он так же не всемогущ, как и Бог <...> **главные движители всего рассказа - не боги и правители, а доносчики и полицейские. Совсем как в те времена, когда Булгаков писал свой роман.**

<...> Но кое-чего мы здесь не объяснили. Прежде всего, **Пилатова бессилия и его униженного страха.** Ведь кесарь был очень далеко, а его личный наместник - полновластный хозяин в Иудее. Он мог, например, приказать, чтобы уничтожили злосчастный второй пергамент. Мог устроить Иешуа побег. Власти у него хватало на многое. А он - убоялся...

Не объяснена и ярость всемогущего правителя, направленная на мелкого провокатора Иуду. Он ведь был малой пешкой в игре, где сам Пилат был ферзем. А правитель далее озаботился убить Иуду, причем с яростной, концентрированной ненавистью.

Все это - и великий страх, и низменная ярость - относится уже к иному Пилату. Не к жестокому прокуратору, не к храброму кавалерийскому командиру, а к чиновнику Римской империи.

<...>**"Закон об оскорблении величия"**

Закон этот был принят в начале I века до н. э. Первоначально он охранял величие Римской республики, но уже Август, первый принцепс, пустил его в ход как закон об охране величества (так и написано у Булгакова). Тацит с гневом писал о возобновлении этого зловещего уложения при Тиберии, не понимая, что в ином случае принцепс не мог бы удержаться у власти.

"Он (закон. - А.З.) был направлен лишь против тех, кто причинял ущерб войску предательством, гражданскому единству - смутами и, наконец, величию римского народа - дурным управлением государством; осуждались дела, слова не влекли за собой наказания".

Тацит был либералом. Так он излагал содержание закона, который при Тиберию применялся именно к словам. Тацит же описал несколько судебных дел по этому закону, в том числе одно из первых: наместник провинции Вифании был голословно обвинен собственным подчиненным в "поносных речах против Тиберия". На этот раз подсудимого оправдали (примерно в 14 году н. э.). Но всего через два года состоялся процесс, затеянный четырьмя обвинителями против некоего Либона Друза. Гвоздем обвинения было письмо, в котором якобы рукой Либона "возле имен Цезарей... были добавлены зловещие или таинственные и непонятные знаки". Либон погиб, его имущество разделили между собой обвинители-доносчики (в сенате доносчики сами выступали как обвинители).

Так начинал применяться "закон" в правление Тиберия. К 33 году он превратился в стихийную и всепожирающую силу. **Сам факт обвинения по нему означал неизбежную смерть. Обвиняемый не имел права прибегнуть к защитным свидетельским показаниям, не всегда ему дозволялось защищаться самому. Доказательных аргументов от обвинителей не требовали - осуждали и так. К концу правления второго принцепса "закон" породил самостоятельную систему отношений, некую субструктуру власти в государственной структуре. Доносчики богатели - они получали четвертую часть имущества своих жертв. Богател кесарь, который получал (хоть и не всегда) остальные три четверти. Создался противоестественный союз между главой государства и институтом доносчиков, которые действовали по явному или тайному желанию принцепса. Донос открывал путь к власти - людям, погубившим Либона, были без очереди даны претурсы. Уничтожая богатых людей, обогащаясь, доносчики не только получали благодарность кесаря, но и механически расчищали себе дорогу наверх: выбивая знать, освобождали места в сенате для себя и своих друзей или партнеров. Штука в том, что для всадников, например, был установлен имущественный ценз в 400 тысяч сестерций (около 25 тысяч рублей золотом) - доносчик создавал вакансию в привилегированной группе и одновременно приобретал право на это место по богатству.**

Пилат был "очень богат" - по его собственным словам. Он принадлежал к привилегированному классу. Он занимал доходное и почетное место. Прокуратор Иудеи был желанной добычей для доносчиков. И вот ему, при секретаре и легионерах из "особой кентурии", говорят, что власть кесаря есть насилие!

"Закон об оскорблении величества" требовал от Пилата решительных действий. Недвусмысленных. Взгляды и подмигивания, побуждавшие арестанта отречься от разговора с доносчиками, грозили доносом уже на Пилата. Смею думать, грозили не испорченной карьерой, как пишет дальше Булгаков, а смертью. Единственное, что мог сделать римский всадник Пилат, это вывести конвой под предлогом государственного дела и сказать преступнику несколько сочувственных слов. А затем изолировать наглухо, сужая круг возможных доносителей, - только сужая, ведь успел секретарь сказать "к сожалению"!

Уже с глазу на глаз прокуратор говорит слова, которые стоило бы адресовать авторам Евангелий: "Ты полагаешь, несчастный, что римский прокуратор отпустит человека, говорившего то, что говорил ты? О, боги, боги! Или ты думаешь, что я готов занять твое место?"

<...> Для Пилата светильники - не пустяк, а очевидный атрибут ловушки. Почему? Намек на ответ есть у Иоанна: ночной арест Иисуса происходит при светильниках; преступника хотели опознать во тьме, среди толпы учеников. Да, но откуда Пилат знал, что светильники зажгли в доме, где людей было всего двое: провокатор и жертва?

Пилат был опытный законник, он правил страной уже давно. Он мог знать, что еврейский закон требовал освещенной ловушки - чтобы не произошла следственная ошибка. Вот статья закона: "Ни для кого из подлежащих смерти, по определению Торы, не устраивают засады, кроме совратителя. (Если тот хитер или не может говорить при них, то ставят свидетелей в засаде позади стены)...А он сидит во внутреннем помещении; и зажигают для него светильник, дабы видели его и слышали его голос... Начинают разбор его дела и кончают даже ночью" (курсив мой. - А.З.).

Теперь сарказм Пилата понятен. Увидав торжественное освещение, следует рот замкнуть, а не рассуждать о власти кесаря... **Ибо даже на "предметы неодушевленные и немые" надлежит взирать со страхом.**

Булгаков реабилитирует Писание в исторически важной части - соприкосновения Иисуса с двойной властью над Иудеей. Закон и его орудие - суд - есть важнейшие социальные институты, в некотором роде зеркала общества. Свою реконструкцию иудео-римского судопроизводства Булгаков вывел из трех исторически несомненных параметров тогдашнего общества. Это: страх иудеев перед Римом; их религиозная нетерпимость и скрупулезность; страх римлян перед собственным правительством. Подлинность этих параметров подтверждается соответственно Флавием, Талмудом (в качестве исторического источника) и

Тацитом. Но сейчас я, рискуя утомить читателя, хочу напомнить об этих же трех условиях, показываемых Евангелием. О страхе евреев перед Римом говорит Иоанн; религиозная нетерпимость отмечается во всех книгах десятки раз, в том числе у Иоанна есть формулировка "обольщает народ". Третье условие - страх римлян перед властью кесаря - мы несколько раз рассматривали. Булгаковское увеличительное стекло открыло в Евангелиях черты истории. Нетерпимость и страх как бы слились воедино и отразились в повторяющемся обвинении: "обольщает народ", "развращает народ", "все уверуют в Него", абсолютное созвучное с талмудическим обвинением в "совратительстве".

<...> Коллегия синедриона не могла собраться среди ночи, сейчас же после ареста Иисуса. Но вот - статья о "совратителях" говорит: "Начинают разбор дела и кончают его даже ночью".

«Евангелие Михаила Булгакова»

<...> Вернемся к высказыванию, которое уже приводилось: "Если смотреть на Иисуса... как на человека, хотя бы и совершенного, то уже никоим образом нельзя ему молиться". Я думаю, что эта идея была Булгакову решительно не по сердцу, и ее-то он и оспаривал, **изображая совершенного человека, на которого единственно и стоит молиться.**

Свою контридею он развил в художественной форме, показывая, как **Иешуа**, шаг за шагом, по ступеням "ершалаимских глав", **от простого человека поднимается до статуса божества - сначала в предчувствиях Пилата, потом в его же "лунном сне", потом во всей окраске разговора Пилата с Левием Матвеем - где Иешуа именуют "тот". Наконец, в финале романа Иешуа прямо показывается как владыка "света".**

Подчеркну еще раз, со всею силой: ... совершенный человек - единственное существо, которому стоит молиться. Это, **возможно, нравственное кредо Булгакова** - идущее от идей Достоевского. В согласии с Достоевским, **под совершенством подразумевается высшая мораль**, отнюдь не западный идеал сильной личности, нашедший окончательное развитие в "сверхчеловеке" по Ницше.

«Этика Михаила Булгакова»

3. Гаспаров

Еще одно преобразование героя - Бездомный оказывается единственным учеником покидающего землю Мастера. Это обстоятельство протягивает нить к образу Левия Матвея; данный мотив выступает на поверхность лишь в самом конце романа (когда Иван несколько раз назван Учеником), но ретроспективно он позволяет связать несколько точек, разбросанных в предыдущем изложении. Так, агрессивность Ивана в сцене погони за консультантом и затем в Грибоедове, его лихорадочная поспешность, безуспешная погоня могут теперь быть приведены в связь с поведением Левия, решившего убить и тем освободить Иешуа, но опоздавшего к началу казни; сами кривые арбатские переулки, которыми пробирается, укрываясь от милиции, Иван, вызывают тем самым ассоциацию с Нижним городом, дополнительно скрепляя параллель Москва - Ершалаим.

В этой последней цепи ассоциаций само имя Иван приобретает новую коннотацию, вступая в связь с именем апостола-евангелиста Иоанна (параллельно Левию Матвеем - Матфею; ср. само это соотношение имен: Матвей - Матфей, Иван - Иоанн) (Отметим также, что одно из антирелигиозных сочинений Д.Бедного называлось "Евангелие от Демьяна". Соответственно ранними вариантами названия главы 2-й романа (рассказа о Иешуа и Пилате) были "Евангелие от Воланда" и "Евангелие от дьявола"). Действительно, Иван в эпилоге становится профессором-историком. При этом сквозной мотив его невежества сохраняется, хотя и в скрытом виде; ср. полные иронии слова автора: "Ивану Николаевичу все известно, он все знает и понимает. Он знает, что в молодости он стал жертвой преступных гипнотизеров, лечился после этого и вылезился". Нетрудно вывести из этого, что история, которой он занимается, так же мало будет походить на истину, как и записи Левия Матвея. Ср. **слова Иешуа о своих слушателях: "Эти добрые люди <....> ничему не учились и все перепутали"**.

Интересно, что из четырех евангелистов только два фигурируют в мотивной структуре романа. Чтобы понять смысл данного ограничения, укажем прежде всего, что границы повествования о Пилате и Иешуа точно совпадают с границами Пассиона, или Пассии - рассказа о страстях Христовых, который читается в течение четырех воскресений перед Пасхой. Чтение охватывает текст Евангелия от момента прихода Христа в Гефсиманский сад и взятия его там стражниками, приведенными Иудой, до погребения. Таким образом, роман Мастера - это роман-пассион. Напомним теперь, что у Баха имеется два законченных Пассиона - Matthaus-Passion и Johannes-Passion, соответствующие именно тем евангелистам, имена которых обыграны у Булгакова; это придает повествованию о Пилате не просто характер ссылки на Пассион как жанр, но именно на Пассион Баха. <...>

Отметим еще сопоставление, наглядно демонстрирующее принцип поливалентности элементов мифологической структуры. А именно антирелигиозное сочинение Бездомного, в котором Иисус получился **"ну совершенно как живой"** (Характерно амбивалентное объяснение этого в романе: "Трудно сказать, что именно подвело Ивана Николаевича, - изобразительная ли сила его таланта или полное незнакомство с вопросом, по которому он собирался писать"), **тем самым оказывается комически сопоставлено с романом Мастера**. Линия Бездомный-Мастер-Иешуа продолжается и в сцене погони и скандала в Грибоедове. Во время странствий Ивана по арбатским переулкам на груди у него оказывается бумажная иконка (ср. табличку на груди Иешуа во время следования на казнь); сам этот путь, совершаемый "в рубище", неожиданно патетически назван "трудным путем" (мотив шествия на Голгофу). На этом пути Иван встречает в ванной "голую гражданку", и та замахивается на него мочалкой (ср. губку, поданную Иешуа в сцене казни). Спасаясь от милиции. Иван разодрал об ограду щеку (ср. ссадину в углу рта у Иешуа) (Мотив запачканного, залитого кровью и т.п. лица является очень устойчивым в творчестве Булгакова и постоянно связывается с темой невинной жертвы. <...> В контексте этого мотива отмеченная примета у Бездомного сообщает последнему ореол жертвы). Наконец, в Грибоедове его связывают полотенцами (связанные руки Иешуа отмечаются несколько раз). Сама "рваная толстовка", в которой герой появляется в Грибоедове, сопоставляется с "разорванным хитоном" Иешуа. Парадоксальность сопоставления еще больше увеличивается вовлечением в него фамилий Бездомный (бездомность Иешуа специально отмечена) и, по упомянутым уже ассоциациям, Босой и Бедный (В этой связи находится еще одна, уже явно пародийная параллель с судьбой Иешуа: домоуправ Босой, мятый, по доносу Коровьей, из-за накрытого стола, в предвкушении трапезы (как Иешуа в доме Иуды).). Ср. также в этой связи лукавое упоминание фотографий членов МАССОЛИТА, "коиными (фотографиями) были увешаны стены лестницы" (в Грибоедове) - т.е. члены МАССОЛИТА (и в том числе Бездомный) представлены в виде "повешенных" (распятых).

«Из наблюдений над мотивной структурой романа М. А. Булгакова "Мастер и Маргарита"»

Таким образом, в произведениях зрелого Булгакова формируется, в качестве инвариантного сюжета, своеобразная «апокрифическая» версия евангельского повествования, в которой **каждый из участников совмещает в себе противоположные черты и выступает в двойственной, амбивалентной роли. Вместо прямой конфронтации жертвы и предателя, Мессии и его учеников и враждебных им сил образуется сложная система, между всеми членами которой проступают отношения родства и частичного подobia.**

В художественном мире Булгакова образы Бога-отца, Искупителя, Пилата, Иуды, Евангелиста теряют свою дискретность и сплавляются в одно сложное целое, все элементы которого связаны между собой многообразными отношениями подobia и родства. Такая художественная система позволяет писателю в самых разнообразных, нередко весьма неожиданных характерах и обстоятельствах увидеть проекцию образов и мотивов Евангелия. Она дает также возможность осуществлять многозначную, динамичную **связь между описываемым миром и его евангельской идеальной проекцией**, выявляя в каждом отдельном явлении заключенные в нем потенциальные связи то с одним, то с другим элементом евангельского повествования.

«Новый Завет в произведениях М.А.Булгакова»

А теперь **выберите один** из предложенных отрывков и ответьте на вопросы!

1. Кратко перескажите сюжет эпизода.
2. Назовите героев, есть ли конфликт между ними? Каков конфликт?
3. Что является кульминацией эпизода? Какие средства выразительности указывают на кульминацию?
4. Какова роль эпизода в реализации идеи автора (Мастера? Булгакова?)

Фрагмент 1

–Итак, третий вопрос. Касается этого, как его... Иуды из Кириафа.

Тут гость и послал прокуратору свой взгляд и тотчас, как полагается, угасил его.

– Говорят, что он, – понижая голос, продолжал прокуратор, – деньги будто бы получил за то, что так радушно принял у себя этого безумного философа.

– Получит, – тихонько поправил Пилата начальник тайной службы.

– А велика ли сумма?

– Этого никто не может знать, игемон.

– Даже вы? – своим изумлением выражая комплимент, сказал игемон.

– Увы, даже я, – спокойно ответил гость, – но что он получит эти деньги сегодня вечером, это я знаю. Его сегодня вызывают во дворец Каифы.

– Ах, жадный старик из Кириафа, – улыбаясь, заметил прокуратор, – ведь он старик?

– Прокуратор никогда не ошибается, но на сей раз ошибся, – любезно ответил гость, – человек из Кириафа – молодой человек.

– Скажите! Характеристику его вы можете мне дать? Фанатик?

– О нет, прокуратор.

– Так. А еще что-нибудь?

– Очень красив.

– А еще? Имеет, может быть, какую-нибудь страсть?

– Трудно знать так уж точно всех в этом громадном городе, прокуратор...

– О нет, нет, Афраний! Не преуменьшайте своих заслуг!

– У него есть одна страсть, прокуратор. – Гость сделал крохотную паузу. – Страсть к деньгам.

– А он чем занимается?

Афраний поднял глаза кверху, подумал и ответил:

– Он работает в меняльной лавке у одного из своих родственников.

– Ах так, так, так, так. – Тут прокуратор умолк, оглянулся, нет ли кого на балконе, и потом сказал тихо: – Так вот в чем дело – я получил сегодня сведения о том, что его зарежут сегодня ночью.

Здесь гость не только метнул свой взгляд на прокуратора, но даже немного задержал его, а после этого ответил:

– Вы, прокуратор, слишком лестно отзывались обо мне. По-моему, я не заслуживаю вашего доклада. У меня этих сведений нет.

– Вы достойны наивысшей награды, – ответил прокуратор, – но сведения такие имеются.

– Осмелюсь спросить, от кого же эти сведения?

– Позвольте мне пока этого не говорить, тем более что они случайны, темны и недостоверны. Но я обязан предвидеть все. Такова моя должность, а пуще всего я обязан верить своему предчувствию, ибо никогда оно еще меня не обманывало. Сведения же заключаются в том, что кто-то из тайных друзей Га-Ноцри, возмущенный чудовищным предательством этого менялы, сговаривается со своими сообщниками убить его сегодня ночью, а деньги, полученные за предательство, подбросить первосвященнику с запиской: «Возвращаю проклятые деньги!»

Больше своих неожиданных взглядов начальник тайной службы на игемона не бросал и продолжал слушать его, прищурившись, а Пилат продолжал:

– Вообразите, приятно ли будет первосвященнику в праздничную ночь получить подобный подарок?

– Не только не приятно, – улыбнувшись, ответил гость, – но я полагаю, прокуратор, что это вызовет очень большой скандал.

– И я сам того же мнения. Вот поэтому я прошу вас заняться этим делом, то есть принять все меры к охране Иуды из Кириафа.

– Приказание игемона будет исполнено, – заговорил Афраний, – но я должен успокоить игемона: замысел злодеев чрезвычайно трудно выполним. Ведь подумать только, – гость, говоря, обернулся и продолжал: – выследить человека, зарезать, да еще узнать, сколько получил, да ухитриться вернуть деньги Каифе, и все это в одну ночь? Сегодня?

– И тем не менее его зарежут сегодня, – упрямо повторил Пилат, – у меня предчувствие, говорю я вам! Не было случая, чтобы оно меня обмануло, – тут судорога прошла по лицу прокуратора, и он коротко потер руки.

– Слушаю, – покорно отозвался гость, поднялся, выпрямился и вдруг спросил сурово: – Так зарежут, игемон?

– Да, – ответил Пилат, – и вся надежда только на вашу изумляющую всех исполнительность.

Гость поправил тяжелый пояс под плащом и сказал:

– Имею честь, желаю здравствовать и радоваться.

– Ах да, – негромко вскричал Пилат, – я ведь совсем забыл! Ведь я вам должен!..

Гость изумился.

– Право, прокуратор, вы мне ничего не должны.

– Ну как же нет! При въезде моем в Ершалаим, помните, толпа нищих... я еще хотел швырнуть им деньги, а у меня не было, и я взял у вас.

– О прокуратор, это какая-нибудь безделица!

– И о безделице надлежит помнить.

Тут Пилат обернулся, поднял плащ, лежащий на кресле сзади него, вынул из-под него кожаный мешок и протянул его гостю. Тот поклонился, принимая его, и спрятал под плащ.

– Я жду, – заговорил Пилат, – доклада о погребении, а также и по этому делу Иуды из Кириафа сегодня же ночью, слышите, Афраний, сегодня. Конвою будет дан приказ будить меня, лишь только вы появитесь. Я жду вас!

– Имею честь, – сказал начальник тайной службы и, повернувшись, пошел с балкона. Слышно было, как он хрустел, проходя по мокрому песку площадки, потом послышался стук его сапог по мрамору меж львов. Потом срезало его ноги, туловище, и, наконец, пропал и капюшон. Тут только прокуратор увидел, что солнца уже нет и пришли сумерки.

Фрагмент 2

Пилат поглядел на широкое лезвие, попробовал пальцем остер ли нож зачем-то и сказал:

– Насчет ножа не беспокойся, нож вернут в лавку. А теперь мне нужно второе: покажи хартию, которую ты носишь с собой и где записаны слова Иешуа.

Левий с ненавистью поглядел на Пилата и улыбнулся столь недоброй улыбкой, что лицо его обезобразилось совершенно.

– Все хотите отнять? И последнее, что имею? – спросил он.

– Я не сказал тебе – отдай, – ответил Пилат, – я сказал – покажи.

Левий порылся за пазухой и вынул свиток пергамента. Пилат взял его, развернул, расстелил между огнями и, щурясь, стал изучать малоразборчивые чернильные знаки. Трудно было понять эти корявые строчки, и Пилат морщился и склонялся к самому пергаменту, водил пальцем по строчкам. Ему удалось все-таки разобрать, что записанное представляет собой несвязную цепь каких-то изречений, каких-то дат, хозяйственных заметок и поэтических отрывков. Кое-что Пилат прочел: «Смерти нет... Вчера мы ели сладкие весенние баккуроты...» Гримасничая от напряжения, Пилат щурился, читал: «Мы увидим чистую реку воды жизни... Человечество будет смотреть на солнце сквозь прозрачный кристалл...»

Тут Пилат вздрогнул. В последних строчках пергамента он разобрал слова: «...большего порока... трусость».

Пилат свернул пергамент и резким движением подал его Левию.

– Возьми, – сказал он и, помолчав, прибавил: – Ты, как я вижу, книжный человек, и незачем тебе, одинокому, ходить в нищей одежде без пристанища. У меня в Кесарии есть большая библиотека, я очень богат и хочу взять тебя на службу. Ты будешь разбирать и хранить папирусы, будешь сыт и одет.

Левий встал и ответил:

– Нет, я не хочу.

– Почему? – темнея лицом, спросил прокуратор, – я тебе неприятен, ты меня боишься?

Та же плохая улыбка исказила лицо Левия, и он сказал:

– Нет, потому что ты будешь меня бояться. Тебе не очень-то легко будет смотреть мне в лицо после того, как ты его убил.

– Молчи, – ответил Пилат, – возьми денег.

Левий отрицательно покачал головой, а прокуратор продолжал:

– Ты, я знаю, считаешь себя учеником Иешуа, но я тебе скажу, что ты не усвоил ничего из того, чему он тебя учил. Ибо, если бы это было так, ты обязательно взял бы у меня что-нибудь. Имей в виду, что он перед смертью сказал, что он никого не винит, – Пилат значительно поднял палец, лицо Пилата дергалось. – И сам он непременно взял бы что-нибудь. Ты жесток, а тот жестоким не был. Куда ты пойдешь?

Левий вдруг приблизился к столу, уперся в него обеими руками и, глядя горящими глазами на прокуратора, зашептал ему:

– Ты, игемон, знай, что я в Ершалаиме зарежу одного человека. Мне хочется тебе это сказать, чтобы ты знал, что крови еще будет.

– Я тоже знаю, что она еще будет, – ответил Пилат, – своими словами ты меня не удивил. Ты, конечно, хочешь зарезать меня?

– Тебя зарезать мне не удастся, – ответил Левий, оскалившись и улыбаясь, – я не такой глупый человек, чтобы на это рассчитывать, но я зарежу Иуду из Кириафа, я этому посвящу остаток жизни.

Тут наслаждение выразилось в глазах прокуратора, и он, поманив к себе пальцем поближе Левия Матвея, сказал:

– Это тебе сделать не удастся, ты себя не беспокой. Иуду этой ночью уже зарезали.

Левий отпрыгнул от стола, дико озираясь, и выкрикнул:

– Кто это сделал?

– Не будь ревнив, – оскалась, ответил Пилат и потер руки, – я боюсь, что были поклонники у него и кроме тебя.

– Кто это сделал? – шепотом повторил Левий.

Пилат ответил ему:

– Это сделал я.

Левий открыл рот, дико поглядел на прокуратора, а тот сказал:

– Этого, конечно, маловато, сделанного, но все-таки это сделал я. – И прибавил: – Ну, а теперь возьми что-нибудь?

Левий подумал, стал смягчаться и, наконец, сказал:

– Вели мне дать кусочек чистого пергамента.

Прошел час. Левия не было во дворце. Теперь тишину рассвета нарушал только тихий шум шагов часовых в саду. Луна быстро выцветала, на другом краю неба было видно беловатое пятнышко утренней звезды.

Светильники давным-давно погасли. На ложе лежал прокуратор. Подложив руку под щеку, он спал и дышал беззвучно. Рядом с ним спал Банга.

Так встретил рассвет пятнадцатого нисана пятый прокуратор Иудеи Понтий Пилат.